ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ ВИЛЕНСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.
№ 26.
1843 ГОДА.

СОБРАНІЕ
ДРЕВНИХЪ ГРАМОТЪ И АКТОВЪ

городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей, и по разнымъ предметамъ. Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast: Wilna, Kowna i Trok, Prawosławnych monastyrów, a także cerkwi i w różnych sprawach. Два тома. Вильно, 1843, въ типографіи А. Марциновскаго, въ б. 4 ю д. л., LXVI, 194 и 208 стр., съ тремя литографированными рисунками.

Подъ симъ заглавіемъ напечатано въ Вильнѣ, въ началѣ нынѣшняго года, новое сочиненіе, въ двухъ частяхъ, въ большую четвертку. Кромѣ указаннаго въ заглавіи содержанія, при немъ находится предисловіе съ весьма любопытными приложеніями, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ, и тремя литографированными рисунками.

Изъ предисловія видно, что памятники, изъ которыхъ составилось это Собраніе, заимствованы преимущественно изъ Архивовъ городовъ: Вильны, Ковна и Трокъ. Оно сдѣлано по распоряженію нынѣшняго Виленскаго Гражданскаго Губернатора Семенова, который, въ Сентябрѣ 1841 года, возложилъ этотъ трудъ на бывшаго Редактора Виленскаго Курьера Марциновскаго, Помощника Трибунальнаго Архиваріуса Нарбутта, Священника Православнаго Виленскаго Николаевскаго Собора Корсакевича и Производителя дѣлъ Статистическаго Комитета Яхимовича. Сверхъ того, приглашены были имъ къ участію, и оказали важныя услуги сообщеніемъ любопытныхъ документовъ изъ другихъ мѣстныхъ архивовъ края: Игуменъ Православнаго Виленскаго С. Троицкаго Монастыря, Докторъ Богословія Арсеній, Архимандритъ Православнаго Виленскаго С. Духова Монастыря Платонъ и Старшій Учитель Ковенской Гимназіи Леоновъ. Трудъ, начатый такимъ образомъ, совершенъ къ Іюлю 1842 года.

Сочиненіе это очень любопытно, и для Исторіи западныхъ провинцій нашихъ, весьма важно. Сообщаемъ, вкратцѣ, сужденіе о семъ сборникѣ одного ученаго и знающаго судьи, напечатанное въ книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за Май мѣсяцъ, и въ 100 N. Сѣверной Пчелы.

„Грамоты и акты, помѣщенные въ „Собраніи," относятся: а) къ городскимъ обществамъ городовъ Вильны, Ковна и Трокъ; б) къ ремесленнымъ цехамъ и такъ называемымъ „Контуберніямъ" города

Вильны; в) къ православнымъ церквамъ, монастырямъ и братствамъ въ Вильнѣ, Трокахъ и вообще по краю; 2) къ разнымъ предметамъ частной гражданской жизни, въ особенности по владѣнію землями и другими имуществами. Документы, относящіеся къ первымъ тремъ разрядамъ, большею частію находятся подлинниками въ архивахъ Виленской и Ковенской Градскихъ Думъ, Трокской Ратуши и Православныхъ Монастырей, преимущественно Виленскаго Св. Троицкаго. Акты на имѣнія выписаны изъ подлинниковъ и древнихъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ архивахъ бывшаго Главнаго Литовскаго Трибунала и Уѣздныхъ Судовъ Новоалександровскаго и Россіенскаго.

Грамоты города Вильны, составляющія первую часть „Собранія", были отчасти уже изданы, еще въ 1788 году, Дубинскимъ. Но это изданіе, все вообще, вопреки подлинникамъ, напечатанное буквами Латинскими, чрезвычайно неисправно и невѣрно въ отношеніи къ дипломатической точности, даже и въ тѣхъ документахъ, которыхъ подлинники писаны по Латыни. Теперь каждый документъ напечатанъ на томъ языкѣ и тѣми буквами, какъ писанъ подлинникъ; а для сохраненія всевозможной точности, во всѣхъ документахъ сохранено подлинное правописаніе, съ опущеніемъ только старинныхъ титлъ, причемъ всѣ они были вновь тщательно свѣрены съ подлинниками; и въ концѣ каждаго документа отмѣчено, съ оригинала, или съ копіи онъ заимствованъ. Трудъ этотъ совершенъ Г. Марциновскимъ. Грамоты и акты, составляющіе вторую часть „Собранія", никогда не были изданы. Ихъ редакція, совершенная на тѣхъ же основаніяхъ, съ тою же точностію, принадлежитъ Г. Нарбутту.

Симъ Собраніемъ пріобрѣтено совершенно новыхъ 95, да въ новомъ исправнѣйшемъ видѣ 97 документовъ, относящихся къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ краевъ Имперіи. Всѣ они имѣютъ важный мѣстный историческій интересъ. Но интересъ общій, и потому несравненно высшій, принадлежитъ тѣмъ, которые писаны были на Русскомъ языкѣ, Русскими буквами. Такихъ документовъ находится въ первой части 43, во второй 81, во всемъ „Собраніи" 124. Всѣ они, кромѣ трехъ позднѣйшихъ грамотъ, данныхъ Самодержцами Всероссійскими Православному Св. Духову Монастырю (1703—1733), писаны въ самомъ краѣ. Изъ нихъ, древнѣйшій принадлежитъ 1432, позднѣйшій туземный 1693 году. Впрочемъ, здѣсь и древность и новость равно важны, равно драгоцѣнны.

„Первый, получаемый отсюда, результатъ состоитъ въ неопровержимой, освобождаемой отъ всякой тѣни сомнѣнія, увѣренности, что языкъ Русскій былъ языкъ господствующій въ такъ называвшейся нѣкогда Литвѣ, даже и въ то время, когда она уже была соединена съ Польшею. Языкъ этотъ является народнымъ, и государственнымъ, то есть дѣловымъ, офиціальнымъ. На немъ совершаются гражданскіе акты, пишутся судебныя опредѣленія, даются велико-княжескія и королевскія грамоты. Правда, въ послѣднемъ случаѣ, языкъ Латинскій, въ то время общій дипломатическій языкъ всей Западной Европы, идетъ и здѣсь объ руку съ Русскимъ. Въ „Собраніи" помѣщено на этомъ языкѣ 50 документовъ, 43 въ первой и 7 во второй части. Но языкъ этотъ, вводимый насильственно, отвергался употребленіемъ, такъ что, при распубликованіи, само Правительство находилось вынужденнымъ документы Латинскіе переводить по Русски. Доказательство тому представляетъ помѣ-

щенная въ „Собраніи“ (ч. 1 Н. 26) грамота Короля Сигизмунда I, отъ 29 го Августа 1536 года, подтверждающая городу Вильнѣ право на грунты Замлейскіе и на домъ гостиный. Въ ней сказано, что „Войтъ, и Бурмистры, и Рядцы, и все Посполство места Виленского,“ бьючи чоломъ Королю, представляли, что имъ на то „Князь Бискуп листъ свои записный по Латине писаный подпечатью своею и сподписю руки своес дал,“ который листъ они передъ Королемъ „вказывали“ (то есть, предъявили), а „мы“ (Король), тотъ листъ „*для певности*“ (то есть, для общеизвѣстности) „*по Русски выложивши слово от слова* всес (то есть, въ сей) нашъ листъ казали виписати“. Стало быть, въ первой половинѣ XVI столѣтія, въ Вильнѣ, столицѣ тогдашней Литвы, градское общество, которому дана была эта грамота, знало только по Русски! Въ заглавіи грамоты говорится, что „симъ листомъ чинится знаменито“ (то есть объявляется во всенародное извѣстіе) всѣмъ „хто на него посмотрить, або чтучи его услышитъ, внѣшнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати“. Слѣдовательно, языкъ Русскій, на который документъ Латинскій „для певности“ переведенъ слова отъ слова, былъ тогда во всей Литвѣ общій, всенародный, и Правительство ни сколько не сомнѣвалось даже въ томъ, что онъ навсегда такимъ останется, будетъ вразумителенъ не только „внѣшнимъ,“ то есть современникамъ, но и „на потомъ будучимъ“, то есть потомству! Что языкъ Русскій имѣлъ издревле единственное законное употребленіе въ туземномъ судопроизводствѣ, это извѣстно уже изъ тѣхъ неопровержимо дознанныхъ фактовъ: что „Судебникъ“ Короля Казиміра IV для Великаго Княжества Литовскаго былъ написанъ, около 1480 года, по Русски; что даже самый „Статутъ Литовскій“, составленный въ 1529 г., а напечатанный въ первый разъ въ Вильнѣ въ 1588 г., былъ также по Русски и составленъ и напечатанъ. Притомъ, въ „Статутѣ“ положительно узаконялось, что „Писарь Земскій долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позывы *по Русски, словомъ и буквами Русскими, а не на иномъ какомъ языкѣ и не иными словами*“ (разд. IV арт. 1); и дальше, что „Воеводы и Судовые Старосты имѣютъ, особенно каждый изъ нихъ по своему мѣсту, выбирать и опредѣлять въ Судъ въ помощь себѣ намѣстника или подстаросту, градскаго судью и писаря, людей честныхъ, благонравныхъ, достойныхъ, *знающихъ законы и грамоту Русскую* (*), изъ дворянъ осѣдлыхъ въ томъ же повѣтѣ и уроженцевъ Великаго Княжества Литовскаго“ (разд. IV арт. 37). Въ слѣдствіе того, по всему Великому Княжеству Литовскому языкъ Русскій и находился въ постоянномъ дѣловомъ употребленіи до конца XVII вѣка, какъ доказываютъ архивъ бывшаго Трибунала Литовскаго и архивы прочихъ судовъ въ краѣ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи, помѣщенныя въ „Собраніи“ (Ч. II. НН. 90 и 91) выписи изъ Земс-

(*) Это постановленіе Статута не значитъ того, чтобы въ то время были уже дворяне, уроженцы Великаго Княжества Литовскаго, которые не знали по Русски, а значитъ только, что между ними были несвѣдущіе въ законахъ и безграмотные. Статутъ повелѣваетъ такихъ устранять отъ выбора въ судебныя должности. Точно такъ рузумѣли это постановленіе и Польскіе переводчики Статута, которыми выраженіе „знающихъ законы и *грамоту Русскую*“ переведено: „w prawie i *pismie Russkiego* umiejętnych.“

P 1274 /1843

кихъ Книгъ Россіенъ, бывшаго главнаго города Самогитіи, одна отъ 8 Іюля 1665, другая отъ 26 Октября 1693 года, на языкѣ Русскомъ, изъ которыхъ очевидно что земскія Книги до столь поздняго времени велись по Русски даже въ сердцѣ собственно Литвы, въ Жмуди, означаемой въ нихъ именемъ „земли Жомойтской." Употребленіе языка Русскаго въ судопроизводствѣ Литовскомъ отмѣнено было въ 1697 году (*). Впрочемъ, въ „Собраніи" (ч. II Н. 31) помѣщенъ универсалъ Короля Яна Казиміра отъ 17 го Февраля 1667 года, на языкѣ Польскомъ, которымъ Король, извѣщая о мирѣ, заключенномъ съ Царемъ Московскимъ (Алексіемъ Михайловичемъ), и о постановленномъ свободномъ торгѣ купцамъ Смоленскимъ до Риги, а Рижскимъ до Смоленска, съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣвалъ, чтобы отнынѣ никто въ потребныхъ случаяхъ не сносился прямо съ Царемъ Московскимъ и его Думными Боярами, а чрезъ Гетмана Великаго Княжества Литовскаго, и притомъ таковыя сношенія производились бы „на языкѣ *не Русскомъ*, а Польскомъ" (*nie Ruskim*, ale Polskim językiem), — доказательствомъ съ одной стороны повсюднаго еще употребленія въ Литвѣ, а съ другой возникшаго уже со стороны Польскаго Правительства предубѣжденія противъ стародревняго, народнаго духа и языка Русскаго!

„И такъ, кто можетъ теперь еще колебаться и оспоривать, что такъ называемое Великое Княжество Литовское, всегда и во всѣхъ частяхъ своихъ, даже въ тѣхъ, гдѣ находится сердце собственно Литвы, было Русское? При отсутствіи всѣхъ другихъ доказателствъ, достаточно бъ было одного этого неумолчно вопіющаго свидѣтельства. Языкъ Русскій могъ имѣть такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, какъ при рѣшительномъ перевѣсѣ и преобладаніи народонаселенія Русскаго. Это не былъ языкъ мертвый, которому надо было учиться изъ книгъ, какъ, напримѣръ, въ то время языкъ Латинскій, или нашъ Церковно-Славянскій. Это тотъ самый языкъ, который донынѣ живетъ въ устахъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, всегда и вездѣ называвшихъ себя Русскими; языкъ, который, въ отличіе отъ другихъ вѣтвей своего могучаго корня, носитъ скромное имя „нарѣчія Бѣлорусскаго," и теперь въ большей части западныхъ областей Имперіи туземнаго, народнаго.

„Впрочемъ, изданные теперь документы, и кромѣ языка, въ самомъ содержаніи своемъ, представляютъ очевидныя доказательства, что край и народъ, которымъ они принадлежатъ, были Русскіе: что они не знали для себя другаго имени, какъ имя Руси; что въ нихъ господствовали Русскій духъ и Русскіе нравы; что, наконецъ, Вѣра, главное начало народной и общественной жизни, была въ нихъ, издревле и постоянно, Православная Русская."

Все изданіе напечатано иждивеніемъ Виленскаго Гражданскаго Губернатора Семенова, которому принадлежитъ и самая мысль собранія относящихся къ нему матеріяловъ. То, что выручится отъ продажи книгъ, пожертвовано имъ для возстановленія Православной Пятницкой церкви въ Вильнѣ: на что изъявлено Высочайшее соизволеніе, при поднесеніи экземпляра изданія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ чрезъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Сочиненіе это, продается въ Вильнѣ въ книжныхъ лавкахъ Гг. Завадзкаго и Глюксберга, по пяти руб. серебромъ.

(**) См. *Volumen Legum*, t. V. p. 863.

KSIĄŻNICA TOWARZYSTWA PRZYJACIÓŁ NAUK W WILNIE